

"ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО," - тон герцога Кромарти был немного более формальным, чем на его личных рабочих встречах с королем Роджером, "либералы и консерваторы предложат три вида соответствия, если вы сейчас настаиваете на этом. Вы знаете, что они это сделают."

"Тогда им придется пережить это," - категорично сказал Роджер. "Это дерь..." - он замолчал, взглянув на госпожу Рэйчел Нагешвар, министра иностранных дел. "Это дело," - продолжил он через мгновение, "уже слишком затянулось, Аллен. Я хочу, чтобы это уладилось. Нам нужно это уладить."

"Я не возражаю, ваше величество. Я просто говорю, что это будет адская борьба, которую в конце мы, возможно, не выиграем, и что в будущем возникнут потенциальные издержки. Как ваш премьер-министр, я обязан указать на все это, прежде чем выйду и буду сражаться изо всех сил, чтобы добиться этого."

Кромарти слабо улыбнулся, а Роджер фыркнул и откинулся на спинку кресла, чувствуя знакомое успокаивающее тепло Монро на затылке. Он протянул руку через плечо, разжав ладонь, и древесный кот нежно ткнулся в нее головой. Затем король оглянулся на двуногих в конференц-зале дворца Маунт Роял.

Кромарти сидел через стол на своем обычном месте. Джейкоб Вундт, лорд-камергер Роджера и один из его ближайших советников, как и королевы Саманты, сидел слева от короля; Дама Рэйчел сидела слева от Кромарти; Справа от короля сидела дама Элиза Падервески, крепкая как гвоздь шеф персонала Роджера, бывший морпех. Это была небольшая группа, все члены которой принадлежали к ближайшему доверенному кругу Роджера, и все смотрели на него.

И я их не виню, ворчливо подумал он. Если бы у меня был выбор, я бы тоже посмотрел на кого-то другого!

Проблема должна была быть до абсурда простой и понятной, но могли ли либералы и консерваторы видеть ее так? Нет, конечно, не могли!

Математика Мантикорского узла гипертоннелей всегда настаивала на том, что есть дополнительные терминалы, которые еще не были обнаружены. То, что это уже был самый большой перекресток в известном космосе, на самом деле затруднял поиск этих дополнительных терминалов, а не облегчал, потому что уже обнаруженные маскировали гораздо более слабые следы своих неоткрытых собратьев. Некоторые гиперфизики даже утверждали, что математика неверна - настоящая причина того, что ни один из этих гипотетических дополнительных терминалов не был найден, заключалась в том, что их просто не существовало.

Другие гиперфизики указали, что прошло более семидесяти стандартных лет между быстрым открытием первых трех терминалов Узла в Беовульфе, Звезде Тревожа и Хеннеси и открытием терминала Грегора в 1662 году... и что терминал Матапан не был открыт до 1796 года, то есть через сто тридцать Т-лет после этого! Эти гиперфизики были уверены в существующей математике, и вскоре после того, как Роджер вступил на престол, их уверенность была оправдана открытием шестого терминала, связанного со звездой Василиск класса G5, в двухстах десяти световых годах от Двойной системы Мантикора.

В данный момент в этом направлении не было большого количества человеческих поселений, но гипертоннели меняли подобные вещи, и положение Василиска открывало некоторые очень интересные возможности в торговле с Силезией и андерманцами. Фактически, эти возможности уже были частично реализованы, поскольку то, что экономисты называли

"Треугольным маршрутом", набирало обороты. Теперь корабли могли отправляться из Мантикоры в систему Грегора, нормально перемещаться через гиперпространство из Грегора через Силезскую Конфедерацию или Андерманскую империю, затем повернуть "на север" к Василиску и вернуться на Мантикору. Экономия времени - и следовательно, расходов - оказалась большой, сокращение времени оборота означало, что судно могло совершить больше рейсов в данное время, а дополнительный радиус действия открывал еще больше рынков.

Но в случае с Василиском была особенность. В системе Василиска была обитаемая планета... и эта планета, Медуза, уже была заселена. Хуже того, она была населена инопланетным видом, а не колонизирована людьми, и эти инопланетяне явно были на докосмическом уровне развития. Этот незначительный факт произвел фурор в рядах Мантикорской либеральной партии, а также породил странный союз между либералами, Консервативной ассоциацией, Прогрессивной партией и так называемыми "новыми людьми" сэра Шеридана Уоллеса. В случае с либералами по крайней мере можно было признать, что какую-то роль сыграло что-то, отдаленно напоминающее принципы. Однако у консерваторов и прогрессистов принципов не было... а у "новых людей" с этим было еще хуже.

Гораздо хуже.

"Я понимаю, что это может быть проблемой," - сказал он, встречаясь взглядом с Кромарти. "Я также думаю, что до сих пор мы своей нерешительностью только усугубляли ситуацию. И я думаю, что пора напомнить Звездному Королевству в целом о некоторой древней истории и об Аксельроде. Ты чертовски хорошо знаешь, что человеческая жадность, за последние триста Т-лет не изменилась!"

Кромарти улыбнулся в невеселом согласии. Корпорация Аксельрод была одной из первых соларианских корпораций, осознавших истинное значение гипертоннелей после их открытия в 1447 году, и ее отдел астрономических исследований систематически пересчитывал данные по каждой исследованной звезде в поисках гравитационных маркеров, за которыми раньше никто не наблюдал. Руководство Аксельрода было готово потратить эти человеко-часы, потому что считало, что эти маркеры вполне могут оказаться скрытыми в старых данных, если они будут повторно исследованы, и это мнение оказалось хорошо обоснованным. Разные терминалы, обнаруженные этим поиском на территории Солнечной Лиги, конечно, были признаны собственностью Лиги и должным образом доложены Старой Земле для получения прибыльных выплат нашедшему, но по мнению Аксельрода, статус терминалов, не входивших в Лигу, был совсем другим - особенно в тех случаях, когда повторная обработка данных указывает на возможность настоящих узлов с многими терминалами.

Например, как в двойной системе Мантикора.

Смелая попытка Аксельрода использовать свой флот, укомплектованный наемниками, чтобы силой захватить Мантикорский узел гипертоннелей до того, как тогдашнее Звездное Королевство даже поняло, что он может существовать, вполне могло изменить галактическую историю, и - учитывая типичный образ действий соларианских корпораций - не к лучшему. Только смелость офицера по имени Карлтон Локателли и большая удача помешали этой попытке добиться успеха, хотя сегодня очень немногие мантикорцы, похоже, задумывались об этом. Возможно, что это не слишком удивительно. Глядя на процветание, торговую и экономическую мощь, которую даровал им Узел, было трудно вспомнить сонную, мирную, изолированную звездную нацию Мантикоры.

И жизнь, наверное, была бы проще, если бы мы по-прежнему были сонными, мирными и изолированными, подумал премьер. К сожалению, это не так. В этом Роджер прав. Он также

прав в том, что то, что чуть не случилось с нами тогда, все еще может случиться с нами сейчас, если люди, выступающие против наращивания флота, не осознают, что наш район больше не сонный, мирный и изолированный.

"Ваше Величество," - сказала Нагешвар через мгновение, "как и Аллен, я поддерживаю вашу политику. Но я не уверена, что сейчас лучшее время для давления."

Она встретила взгляд Роджера непоколебимо, с уверенностью ного дипломата, которым она была до того, как поднялась на свой нынешний пост в ходе последней реорганизации кабинета министров. Одна из вещей, которые он больше всего ценил в ней, почти больше, чем ее бесспорный опыт в качестве главного дипломата Звездного Королевства, была ее готовность не соглашаться с ним, когда она думала, что он был неправ, и он откинулся назад, вежливо кивнув ей, чтобы она продолжила.

Нагешвар была лоялистом короны, частью продолжающейся - и удручающе постепенной - переделки кабинета Роджера. Центристы Кромарти, к сожалению, все еще не могли получить большинство в Палате лордов даже при поддержке лоялистов короны. Это означало разделение постов в кабинете министров между основными политическими партиями... и что премьерство Кромарти висело на волоске, по крайней мере, теоретически. Официально, когда в кабинете были и консерваторы, и либералы, в настоящее время на Мантикоре не было оппозиции; фактически, упрямство этих партий означало, что политологи обычно говорили о консерваторах и либералах как о находящихся в оппозиции, даже когда они сидели в "коалиционном" кабинете.

К несчастью для них, монарх был главой правительства Звездного Королевства, а не просто главой государства. Теоретически Роджеру не было нужды в кабинете министров, хотя одному Богу известно, какой политический кризис он мог спровоцировать, решив править декретами! Но хотя он не мог заставить Палату лордов поддержать премьер-министра не по ее выбору, Палата лордов также не могла заставить его принять премьер-министра не по его выбору. Подобное противостояние, конечно, привело бы к параличу правительства Звездного Королевства, но оппозиция рано осознала, что Роджер, в отличие от своей матери, был полностью готов к краткосрочному параличу. За его спокойными карими глазами была сталь, которая уже напоминала некоторым историкам королеву Адриенну, и у него в кармане было традиционное оружие Дома Винтонов - мощная поддержка подданных.

Связь династии Винтонов с простолюдинами Звездного Королевства была возобновлена его женитьбой на королеве-консорт Анжелике, покоровшей коллективное сердце Мантикоры своей красотой и очевидной любовью к королю... и это было вновь подчеркнуто рождением наследной принцессы Элизабет Адриенны Саманты Аннет Винтон, которой в следующем месяце исполнится год. Если оппозиция подтолкнет его к этому, если ее лидеры спровоцируют остановку работы правительства, не было сомнения, что произойдет в Палате общин на следующих всеобщих выборах. Это может занять год или два, но результатом будет уничтожение представительства оппозиционных партий в нижней палате. И хотя это могло не беспокоить Консервативную ассоциацию, которая в подавляющем большинстве была партией аристократии, она определенно имела большое значение для либералов сэра Оруэлла Лебруна и прогрессистов Дженис Макмиллан.

Роджер не очень любил размышлять о подобного рода конституционном кризисе, хотя часть его испытывала искушение пойти вперед и принять, даже спровоцировать его. В тот момент Народная Республика Хевен все еще находилась на расстоянии двухсот световых лет от двоичной системы Мантикоры. Были моменты - и это был один из них, - когда ему казалось, что победить оппозицию и сломить ее раз и навсегда, какой бы кровавой ни была политическая

борьба, было бы предпочтительнее, чем потом оказаться в затруднительном положении в более критический момент, когда хевы близко, а ситуация будет слишком критической, чтобы противостоять внутренней оппозиции. Но это была мерзкая, кровожадная часть, сказал он себе. Намного лучше продолжить постепенное ослабление власти оппозиционных партий, не рискуя конституционной борьбой, которую он, в конце концов, может не выиграть.

Но он не собирался отказываться от борьбы, если придется, мрачно напомнил он себе.

"Мы вот-вот завершим наши текущие переговоры с Беовульфом, и все в парламенте это знают," - напомнила ему Нагешвар. "Если мы добавим это в смесь, это может помешать этим переговорам. Или, по крайней мере, готовности лордов ратифицировать изменение договора, которое мы внесем."

"Это ценное замечание, Рэйчел," - признал Роджер. Очевидно она думала также, как и он.

"На данный момент Беовульф собирается согласиться на все, что мы просили," - продолжила она, "и Хеннеси действительно приветствует изменения. У Грегора меньше энтузиазма, но и у него не будет особого выбора, когда мы доберемся до Республики. Но если после того, как Беовульф согласился, лорды отклонят договор, будет провал в глазах общественности, а вы знаете, что консерваторы в любом случае выступают против него, что бы ни говорил Саммеркросс."

Маттеус Рутье, граф Саммеркросс, был нынешним лидером Консервативной ассоциации, и трудно было представить себе более ксенофобного изоляциониста. Единственная хорошая вещь в его паранойе, с точки зрения Роджера, заключалась в том, что он хотя бы частично был готов поддержать достаточно мощный флот, чтобы защитить изоляционизм.

"Планетарный совет директоров Беовульфа делает все возможное, чтобы удовлетворить наши запросы," - отметила Нагешвар. "В некоторых отношениях они рискуют вызвать серьезную негативную реакцию со стороны своих избирателей, и правительство Лиги тоже не обрадуется, узнав об этом. Я не думаю, что директорам нужно - или они заслуживают - проблем из-за того, что кто-то решит оказать сопротивление изменениям договора с нашей стороны. Так мы могли бы сжечь много доброй воли."

Роджер снова кивнул. С давних времен система Беовульф поддерживала прекрасные отношения как со Звездным Королевством, так и с Республикой Хевен. Все они всегда были самыми решительными сторонниками конвенции Червелла, направленной, среди прочего, на подавление межзвездной генетической работорговли, и на Беовульфе всегда поклонялись меритократии. Первоначальный упор Республики на индивидуальные свободы и возможности хорошо сочетался с меритократией Беовульфа, но НРХ была чем-то совершенно другим.

Акт Технической Консервации был прямой пощечиной для Беовульфа, и Мантикора, отношения с которой были более тесными, учитывая прямую связь Узла с системой Беовульфа, извлекла выгоду из охлаждения Беовульфа с Хевеном за последний Т-век. Это было важной частью готовности Беовульфа вернуться к Соглашению об Узле 1590 года, но всему был предел. С каким бы желанием Совет директоров ни работал с Мантикорой, жители Беовульфа в целом были так же способны, как и любые другие, разозлиться на звездную нацию, оскорбившую их звездную нацию.

"Мы могли бы сжечь много доброй воли," - признал Роджер, "но только если оппозиция будет достаточно глупа, чтобы затеять драку из-за переговоров по соглашению, а я не думаю, что даже Саммеркросс настолько глуп. Но если это так, я думаю, что в этом случае на него

надавит кто-то вроде Северной Пещеры или Высокого Хребта."

Нагешвар выглядела довольно подозрительной и посмотрела на Кромарти.

"Я думаю, Его Величество прав, Рэйчел," - сказал премьер-министр. "Имейте в виду, я бы предпочел не заходить так далеко, чтобы выяснять, сделает ли он это или нет, но даже консерваторы поймут, что им будет сложно убедить кого-то еще согласиться с ними."

Министр иностранных дел еще минуту смотрела на него, а затем села. Она все еще не казалась убежденной, но Роджер согласился с Кромарти.

Соглашение об Узле было заключено правительством королевы Елизаветы II вскоре после первоначального открытия Узла и его первых трех известных терминалов, связанных с Беовульфом, Сан-Мартином и Хеннеси. Были времена, когда Роджер хотел, чтобы его пра-пра-пра-пра-пра-пра-прабабушка была немного более безжалостной, подписывая этот договор, но он полагал, что действительно не мог жаловаться на то, насколько хорошо он служил интересам Звездного Королевства последние триста Т-лет.

Проблема заключалась в том, что Мантикора уступила суверенитет над терминалами Беовульфу, Сан-Мартину и Хеннеси. Закон не требовал от Элизабет этого делать. В то время как любая звездная система могла свободно претендовать на суверенитет над всем в радиусе шести световых часов от своей звезды, претензии на что-либо, находящееся на расстоянии более двенадцати световых минут от звезды, были условными. Требование системы об установлении там суверенитета могло быть оспорено в соответствии с международным правом, если она не могла продемонстрировать свою способность поддерживать "реальную и постоянную полицейскую власть" над ней. Все известные терминалы лежали далеко за пределами двенадцатиминутного лимита (некоторые, например, сам Узел, лежали вне шестичасового лимита, но это было редкостью), что означало, что они принадлежали тому, кто мог поддерживать эту "реальную и постоянную" полицейскую власть. . По сути любой, кто имел вооруженные силы, чтобы удержать что-то, мог сохранить это, но если это не была местная звездная система, это было просто очень трудно.

Система Беовульф, как член Солнечной Лиги, вероятно была в состоянии обеспечить это. Но ни Звезда Тревога, ни Хеннеси, которая только недавно была колонизирована в то время, не смогли бы этого сделать, однако правительство Элизабет решило предоставить всем трем звездным системам одинаковую долю доходов от Узла, одинаковые скидки на транзитные сборы и одинаковый общий суверенитет над терминалами. Роджер всегда подозревал, что собственный опыт Мантикоры с Аксельродом сыграл роль в ее решении, хотя в переговорах об этом никогда не упоминалось официально. А учитывая небольшие размеры Королевского флота Мантикоры в то время, несомненно, имело смысл не возиться с дополнительными миссиями.

Теперь, когда экономическая мощь Звездного Королевства полностью зависела от Узла, а способность Роджера подготовить свое королевство к угрозе с Хевена полностью зависела от этой экономической мощи, это изменилось. Его мать незаметно внесла поправки в требования к стратегической миссии КФМ, назвав обеспечение вторичных терминалов Узла более важным, чем коммерческая защита еще в 1850 году, но в то время никто не старался подчеркнуть это для остальной части галактики, учитывая состояние боевой стены Звездного Королевства. Если на то пошло, у Роджера не было никакого желания ссориться из-за этого вопроса даже сейчас, но времена изменились (и не в лучшую сторону) за последние семнадцать лет. Теперь ему был нужен авторитет - признанный авторитет, как внутри страны, так и за рубежом, - чтобы действовать в одностороннем порядке, почему бы это ни казалось необходимым, для

обеспечения безопасности узла, в том числе и для обеспечения безопасности этих вторичных терминалов.

Беовульф и Хеннеси признали это, и оба они особо признали полный суверенитет Мантикоры над связанными с ней терминалами. Роджер подсластил сделку, увеличив процент транзитных сборов и добавив секретный пункт, который составлял договор о взаимной защите, но взамен он имел право развернуть мантикорские военные корабли для защиты любого из этих терминалов силой, если он считал это необходимым. Он очень сомневался, что это когда-нибудь понадобится в случае Беовульфа, но Хеннеси - другое дело.

Этой системе уже потребовалась однажды помощь Мантикоры во время инцидента в Ингеборге, который стоил КФМ жизни адмирала Эллен Д'Орвиль в 1710 году. Но независимо от того, действительно ли кому-либо из них когда-либо требовалась помощь Мантикоры для защиты своих терминалов, прецедент было важно установить, поскольку он полностью намеревался распространить его на Василиск и любые другие, пока еще не обнаруженные, как предсказывала математика, терминалы. И как только что указала Нагешвар, Республика Грегор не собиралась возражать, когда он "потребовал" от нее тех же условий. У нее было слишком много внутренних проблем, чтобы вызвать конфронтацию с крупным торговым партнером. А в системе Матапан, слава богу, не было ни обитаемых планет, ни обитателей, поэтому никогда не возникало никаких сомнений относительно того, кому полностью принадлежит этот терминал.

Другое дело, конечно, Звезда Тревора. Уже наполовину окруженный завоеваниями Хевена или их союзниками, Сан-Мартин не собирался рисковать рассердить НРХ, несмотря на свою традиционную дружбу с Мантикорой - или, возможно, из-за этой дружбы - подписав соглашение, которое дало бы Звездному Королевству одностороннее право переброски боевых эскадр к терминалу Звезды Тревора, когда захочется. Сан-Мартин усердно трудился над созданием флота, надеясь, что он будет достаточно большим, чтобы хотя бы приостановить Народную Республику, но даже те контакты, которые барону Большое Небо удалось установить в ФСМ, не внушали оптимизма в отношении их способности сделать это. Сан-Мартин никак не мог внушить Мантикоре чувство уверенности в том, что он мог убедить НРХ в возможности пресечь потенциальную угрозу своими вооруженными силами в зародыше.

"При всем должном уважении, дама Рэйчел," - сказал Джейкоб Вундт своим спокойным, тихим голосом, "я также согласен с Его Величеством в этом случае. Я думаю, что Саммеркросс предпочел бы, чтобы Соглашение об Узле осталось неизменным. Я действительно не думаю, что он будет слишком много жаловаться по поводу Беовульфа или Хеннеси, но он будет возмущаться им, как прецедентом, особенно когда мы заставляем Грегора уступить такой же статус тамошнему терминалу. Он будет рассматривать это как первый шаг вниз по той "скользящей дорожке к империализму", о которой он скулит столько, сколько я себя помню!"

Лорд-камергер скривился, и губы Нагешвар дернулись. Не то чтобы это было действительно так смешно. Консервативная ассоциация выступала против всего, что могло втянуть Звездное Королевство в территориальную экспансию. Его члены не имели ничего против растущего экономического влияния Мантикоры, неуклонного роста ее торгового флота или чрезвычайно активного финансового сектора, но все, что могло вовлечь Звездное Королевство в межзвездное соперничество за власть, было проклятием для консерваторов.

Еще хуже, как подозревал Роджер, с их точки зрения, будет возможность добавить в Звездное Королевство дополнительных избирателей. По их мнению, конституционные механизмы, которые были созданы для сохранения политической власти в Палате лордов при создании Звездного Королевства, начали изнашиваться. Меньше всего они хотели открыть дверь

"посторонним и иностранцам, которые не понимают, как работает наша система"... и кто может иметь наглость встать с палатой общин против них. Это была настоящая причина, по которой они никогда не поднимали шума по поводу суверенитета Мантикоры в Матапане; отсутствие людей означает отсутствие избирателей, которые нарушат их заветный статус-кво.

"Но как бы он ни относился к Грегору - и даже к Василиску - слишком многие из его товарищей-консерваторов зарабатывают слишком много денег на своих деловых отношениях с Беовульфом, чтобы он рисковал оттолкнуть Планетарных Директоров," - продолжил Вундт, "и он не может сделать много неприятностей с Хеннеси, учитывая, с каким энтузиазмом президент О'Флаэрти принял эту идею. Нет," - покачал головой лорд-камергер, "он будет противодействовать делам с Грегором и Василиском, именно так, как он и поступал прежде."

"Джейкоб точно описал это, Рэйчел," - сказал Роджер. "Полагаю, это возвращает нас к моей исходной точке."

"И оставляет нас с проблемой Лебруна," - кисло указал Кромарти.

Противодействие консерваторов аннексии Василиска отражало их принципиальный изоляционизм, но несмотря на личный фанатизм Саммеркрасса по этому конкретному вопросу, в случае Василиска он не вызывал огромного сопротивления среди их рядовых. С другой стороны, оппозиция либералов была обусловлена идеологией и эмоциями, а последователи сэра Оруэлла Лебруна были гораздо более категоричны против "империализма", потому что такого рода "ура-патриотическая агрессия против более слабых звездных наций" оскорбляла их принципы. К сожалению, это было особенно верно в случае с медузианами, которые находились где-то в эквиваленте раннего бронзового века. Это автоматически сделало их "благородными дикарями" и сделало моральной обязанностью Звездного Королевства обеспечить их независимость и безопасность их природных ресурсов - таких как терминал Василиска - вместо того, чтобы использовать железный кулак для ограбления местных разумных существ.

Неважно, что ни Роджер, ни кто-либо еще на Мантикоре не были заинтересованы в "ограблении" медузиан. Неважно, что межзвездный закон предоставил Мантикоре суверенитет над терминалом как его первооткрывателю. . . или что во вселенной не было способа, которым медузиане могли использовать, управлять или защищать этот терминал.

"Мы могли бы просто заявить права на терминал," - предположила Нагешвар. "Я знаю, что это было бы далеко не идеально, но это дало бы нам власть, необходимую для его развития и, если необходимо, для защиты, не связываясь с медузианами вообще."

"Если мы не объявим суверенитет над всей звездной системой, то это сделает кто-то другой," - категорично сказал Роджер. "Это единственная причина, по которой мы заявили права на систему Матапан также, как на терминал. В конце концов, это не значит, что нам действительно нужна была система без единой собственной планеты! Но мы также не можем оставить систему в подвешенном состоянии, и это то, что этот идиот Лебрун систематически игнорирует. Ему легко провозглашать, что медузиане должны быть оставлены в покое в бесспорном владении своей планетой и своей звездной системой, но даже если бы я согласился с ним, кто-то вроде Густава Андермана или наследного президента Харриса не потерял бы ни минуты сна, растоптав всю планету, полную аборигенов."

Густав захватит систему, чтобы использовалась в качестве рычага воздействия на нас в Силезии и как базу для вытеснения нас - и всех, кто пользуется терминалом - с целью получить большую часть торговли, проходящей через Треугольник. И Харрис захватит систему, потому

что он хев, который чертовски хорошо понимает, что мы будем самой большой долгосрочной угрозой для его расширения, и потому что, когда - не если - он захватит Звезду Тревожа, это позволит ему угрожать нам военными действиями через два терминала Узла одновременно."

"Я согласна, что вероятно он так и думает, ваше величество," - сказала Падервески, "но я надеюсь, что вы простите бывшего морпеха, если он укажет на то, что с их стороны это было бы действительно очень глупая попытка."

"Конечно, Элиза," - согласился Роджер. "Но это не значит, что они не попробуют. Кто-нибудь из вас заметил какие-нибудь особые признаки сдержанности со стороны Хевов?"

Он посмотрел вокруг, не услышал ответа и фыркнул.

"Так я и думал. Проблема в том, что независимо от того, сработает ли штурм через Узел, это все равно будет актом войны, и мы все равно будем сражаться с Народным Флотом. В настоящий момент мы не в состоянии делать это, и мы не можем позволить себе ситуацию, когда Харрис и его адмиралы обманывают нас, развязав войну, к которой ни одна из сторон не готова. Кроме того, есть еще вопрос о будущих прецедентах, о которых нужно беспокоиться. Я хочу, чтобы прямо сейчас было установлено, что если нам удастся найти, обследовать и открыть любые дополнительные гипертоннели Узла, оба их конца будут принадлежать нам, независимо от того, что находится на другом конце."

"Правильно, ваше величество," - сказал Кромарти, "если вы понимаете, что это может стать действительно уродливым."

"О, поверь мне, я понимаю это! Но у меня есть туз в рукаве."

Роджер тонко улыбнулся, и Кромарти испытал отчетливое ощущение погружения. Он видел эту улыбку раньше.

"Туз в рукаве?" - повторил он осторожно.

"Да. Ее зовут Элизабет."

"Ваше Величество?" Кромарти моргнул от неожиданности, а Роджер усмехнулся. Но затем выражение лица короля стало жестким.

"Скажите Лебруну, что если он хочет ссоры по этому поводу, он может ее устроить," - холодно сказал он. "И скажите Саммеркрессу, что если он реально хочет разозлить Дом Винтонов, пусть делает. Мы близки к тому, чтобы получить нужные нам голоса в Палате Лордов с вашими центристами и лоялистами Рэйчел, а Дженис Макмиллан и Шеридан Уоллес продадутся тому, кто предложит самую высокую цену. Мы можем превзойти Саммеркресса или Лебруна, и на этот раз я готов это сделать, если потребуется. И если мы привлечем к участию прогрессистов - или даже только "новых людей", мы выиграем голосование."

"Предполагая, что они останутся купленными, ваше величество," - сказал Кромарти с гримасой отвращения, и Роджер кивнул.

"О, я и не жду, что они останутся купленными навсегда, Аллен. Но они мне тоже не понадобятся надолго - просто на время, чтобы подписать мое решение проблемы. И, честно говоря, на этот раз я готов купить любую блестящую новую игрушку, чтобы подарить Макмиллану или Уоллесу."

"А какое решение вы имели в виду, ваше величество?" - спросила Нагешвар еще более осторожным тоном, чем Кромарти."

"Я готов бросить Лебруну кость, если потребуется," - ответил Роджер. "То есть я готов не претендовать на суверенитет над самой планетой Медуза, признать медузиан исконными обитателями и законными владельцами звездной системы, точно так же, как Девятая поправка признает древесных котов на Сфинксе, и выделить, скажем, пять процентов всех доходов, получаемых от трафика через терминал Василиска в пользу медузиан. В то же время, однако, мы собираемся утвердить суверенитет над звездной системой в целом и напрямую - официально - аннексировать сам терминал."

"Я... не уверена, как это будет соответствовать межзвездному закону, ваше величество." Глаза Нагешвар прищурились от напряженного размышления. "Я не думаю, что когда-либо слышала, чтобы кто-то объявлял права на звездную систему, но при этом не объявляя права на единственную пригодную для жизни планету в ней. Сомневаюсь, что есть прецедент, подтверждающий это."

"Так мы создадим прецедент," - сказал ей Роджер.

"Лебрун будет утверждать, что легко обещать не захватывать планету сейчас," - отметил Кромарти. "Затем он расскажет афоризм о развращении властью и предположит, что хотя вы, конечно, не станете делать ничего подобного, ваше величество, это не значит, что какое-то будущее правительство Мантикоры не сделает это."

"Он может, черт возьми, предполагать все, что он хочет," - категорично сказал Роджер. "Мы собираемся сделать это, а если кто-то думает, что это не так, я использую день рождения Бет, чтобы сделать заявление... и приложу немного собственного давления."

"Прошу прощения, ваше величество?" Падервески удивленно посмотрела на него. "Это что-то, о чем вы забыли, когда в последний раз обсуждали планы с вашим шефом персонала?"

"Я обсуждал это вчера вечером с единственным человеком, у которого есть право вето, Элиза." Роджер криво ей улыбнулся. "Анджел сказала, что она одобряет это."

"Я понимаю. Так что у вас на уме с днем рождения Бет, сэр?"

"О, это очень просто." Роджер показал зубы. "Я собираюсь воспользоваться одной из привилегий Короны - Палаты общин. Мы собираемся сделать Елизавету герцогиней Василиска."

Несмотря на десятилетия политического опыта, у Кромарти отвисла челюсть, а глаза Нагешвар расширились. Роджер откинулся на спинку кресла, прислушиваясь к жужжащему урчанию древесного кота за его спиной.

"С центристами и лоялистами короны у нас явное большинство в палате общин," - указал он, "а патенты на титулы создаются короной с одобрения палаты Общин, а не Лордов. Я намереваюсь сделать Бет герцогиней Василиска - не Медузы - и намерен платить ей процент от всех транзитных сборов через терминал. Крохотный, ровно настолько, чтобы дать ей право претендовать на терминал. Но когда мы получим патент на титул, мы включим в него всю звездную систему, кроме Медузы."

Лорды не могут отклонить патент, хотя теоретически они могут отказать в назначении ее герцогиней Василиск, если почувствуют, что их обманули. Но они не смогут этого сделать, так

как для всех здесь, в Звездном Королевстве, маленькая принцесса, которую обожают, будет законной герцогиней рассматриваемой звездной системы. Теперь," - он оглядел конференц-зал с той же тонкой улыбкой, "неужели кто-нибудь, сидящий за этим столом, действительно думает, что даже Саммеркросс будет достаточно глуп, чтобы противостоять такому общественному мнению? Лебрун мог бы, но советники Саммеркросса будут настаивать, чтобы он отбросил это, как горячий камень." Он покачал головой. "Я полагаю, что нам все равно придется хитрить, пойти на некоторые уступки, чтобы развеять опасения либералов по поводу Медузы, но сказать моей дочери, что она не может получить подарок на первый день рождения, когда все остальные в Звездном Королевстве хотят дать это ей?"

Он снова покачал головой, его улыбка стала похожей на акулю.

"Никто не захочет выглядеть таким, как Скрудж. Никто."

<http://tl.rulate.ru/book/60774/1573860>